

**ТЮРЕМНЫЙ И ССЫЛЬНЫЙ ЛОКУСЫ В ТЕТРАЛОГИИ
Е. Н. ЧИРИКОВА «ЖИЗНЬ ТАРХАНОВА»
PRISON AND EXILE LOCI IN E. CHIRIKOV'S TETRALOGY
"THE LIFE OF TARKHANOV"**

Аннотация: В статье анализируются тюремный и ссыльный локусы в тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова». Устанавливается, что первый из них препятствует обретению героем спасения, так как в тюрьме над героем тяготеет сила карающего закона, тогда как, оказавшись в ссылке, герой находит евангельскую любовь и сострадание, обретая, вопреки условиям, внутреннюю свободу.

Ключевые слова: Е. Н. Чириков; «Жизнь Тарханова»; «дом»; тюремный и ссыльный локусы; ветхозаветный и евангельский коды.

Abstract: The article analyzes the prison and exile loci in E. Chirikov's tetralogy "The Life of Tarkhanov". It is established that the first of them prevents the hero from finding salvation, since in prison the force of the punitive law weighs on the hero, while, once in exile, the hero finds evangelical love and compassion, gaining, despite the conditions, inner freedom.

Keywords: E. Chirikov; "The Life of Tarkhanov"; "home"; prison and exile loci; Old Testament and Gospel codes.

Литература рубежа XIX–XX вв., формирующаяся в период крупных социально-политических и мировоззренческих сдвигов, не могла не впитать в себя ощущение неотвратимо надвигающейся новой жизни. Именно в этот период распутицы и непонимания того, как быть дальше, писатели обратились к наиболее общим, базовым вопросам мироустройства, одним из которых стал вопрос, связанный с феноменом дома, домашнего, осознав дом не только как пространство, локус, но и как способ видеть мир, жить в этом мире. Домашнее для литературы рубежа веков – это ощущение своей заданности и следование поставленным целям. Другими словами, дом – это то небольшое, что продолжает объединять людей в стране, которую все чаще и чаще сотрясало то по одним, то по другим причинам.

Как отмечают авторы сборника «Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова», романное творчество писателя периода эмиграции приобретает исповедальный характер: романы «Жизнь Тарханова» (1911–1924), «Зверь из бездны» (1924), «Отчий дом» (1929–1931) художник посвящает единственному вопросу, терзавшему его душу: «Что же привело Россию к пропасти, почему в основание ее будущего были положены тела невинных,

а скрепили этот фундамент обман и предательство новоявленных пророков?» [1, с. 6].

Эта статья посвящена феномену «Дома» в тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова», где «домашнее» будет пониматься как место, которое позволяет в последний раз собрать весь рассыпающийся мир и увидеть в этом собранном мире героя. В рамках статьи нами будут рассмотрены два типа локуса – тюремный и ссыльный.

Тюремный – в тетралогии это казанский – локус, в который Геннадий Тарханов попадает за хранение нелегальной литературы, вызывает особый интерес с двух точек зрения: во-первых, в пространственной организации всей тетралогии тюрьма становится единственным местом, которое герой называет «домом», во-вторых, именно в тюрьме Геннадий Тарханов впервые видит ряд метафизических знаков.

Собственно тюремный локус характеризуется подвижностью смыслов, которыми его наполняет герой. Первое описание тюрьмы – холодное и бессистемное, но, тем не менее, – это описание с обилием деталей, представляющее собой попытку выхватить те куски мира, которые врезаются в память в момент ощущения наступления конца: «Башня, круглая, высокая, с круглым окошечком вверху» [2, с. 178]. Привычная мера жизни в тюрьме оказывается неприменимой, так как три часа здесь сплетаются с тремя годами. Тогда на смену гражданскому календарю для политического заключённого Геннадия Тарханова приходит календарь Литургический, и, как следствие, возникают аллюзии на Христа-Страдальца. Календарь тюрьмы – Воскресение, Масленица, пост, Пасха. Вместо светлых мыслей Геннадия Тарханова здесь звучит «море человеческого страдания», в гуле которого «Распятый Страдалец воскресает в памяти и в сердце». Интересен и следующий диалог, раскрывающий идею политического Христа-Страдальца-Тарханова: «Масляная на дворе... – Что ты говоришь?.. – Блины скоро, а там пост... – Да, а там – Пасха! Христос воскрес!.. Политический ведь он был... – А вы полно... грех так-то... – А за что его распяли, – знаешь?.. Свой народ» [2, с. 195–196].

Гимном тюремному пространству становятся две молитвы на Пасхальном богослужении в тюремной церкви: «Слава долготерпению твоему, Господи!» и «Христос воскрес из мертвых... смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав! Христос воскрес!» Заметим, что на Богослужении пропадает граница между арестантами и стражниками – все молятся вместе, а восклицание священника «Христос воскрес» дружно и торопливо разбивается голосами каторжников и стражников: «Воистину воскрес, батюшка!..» [2, с. 228].

Ссыльный, архангельский, локус продолжает тот «вертикальный» метафизический сюжет, который начинает формироваться в казанской тюрьме, а именно – сюжет обретения свободы души посредством телесного, физического заточения.

Прежде всего сделаем акцент на том, что в архангельской ссылке Е. Н. Чириков реализует ветхозаветный сюжет об Ионе во чреве китовом, поэтому ключом для понимания этой части тетралогии для нас станет именно этот ветхозаветный код.

Данный код в тетралогии реализуется в самом начале архангельской части: «...После долгих мытарств по “этапам” я, наконец, добрался до нового местожительства, и вот уже три дня и три ночи как я вышел из чрева китова на свет Божий» [2, с. 312]. Тем не менее, чуть дальше Е. Н. Чириков реализует уже другой код – евангельский: «После целого года тюрьмы... выход на волю уподобил меня тем чижикам, которых я когда-то, в далеком детстве, будучи гимназистом, выкупал и выпускал из клеток под Благовещение» [2, с. 312]. Такое обращение одновременно и к ветхозаветному, и к евангельскому кодам оказывается основой того самого метафизического сюжета архангельской ссылки, о котором говорилось выше.

Герой Е. Н. Чирикова, покинувший ветхозаветный локус тюрьмы-закона, попадает в архангельский ссылный локус, который, что удивительно, реализуется как место-смысл евангельской любви. Так, Геннадий Тарханов говорит: «Да, мамочка, так много прожито, а сделано так мало... И все это из-за этой самой “любви”. Казалось, что можно быть счастливым, когда кругом – море горя и несчастий...» [2, с. 313]. Помимо этого, в Архангельске Геннадий Тарханов начинает реализовывать себя в качестве Спасителя-Христа, а не карающего Иеговы: «Я боюсь, что тебя пугает слово “ссылка”, как некогда пугала “тюрьма”. Нас вообще пугает то, чего мы не знаем... Все мама условно и относительно» [2, с. 313]. Несколько дальше начинает реализовываться еще один важный в этом ключе мотив – свободы и радости от принятия своего положения: «Я счастливее Ломоносова: он пришел в Архангельск пешком, а меня привезли этапным порядком... А ведь я относительно свободный человек. В тюрьме я выходил на прогулку на маленький дворик, окруженный каменными стенами, с одним видом на небо, и думал: “хорошо на воле!” Теперь я буду гулять в черте города и думать: “Хорошо на свободе!..” А все мы, люди, гуляем на песчинке мироздания, именуемой Землей, и думаем: “какой безграничный простор!”» [2, с. 313].

Одним из последних пересечений ветхозаветного и евангельского кодов становится эпизод, в котором одна из ссылных – Козочка – рассказывает Геннадию Тарханову о недавно произошедшем с ней случае: «Один раз идем мы мимо собора, обедня отошла, народ расходится, за народом нищие бегут... Вот Куренков вынул кошелек и дал старику пятак, а там другой, молодой, бежит и гнусит, протягивая ручку: “Безносому-то!” А Павел Петрович остановился... и сказал: “Сам виноват!” И, махнув рукой, пошел дальше. Очень может быть, что парень сам виноват, что он – безносый, однако зачем ему вместо пятака это верное обличение?» [2, с. 345].

В этом эпизоде кроется смысл взаимодействия двух кодов, двух способов жить: ветхозаветного «закона» и евангельской «любви». В данном эпизоде Е. Н. Чириков восстанавливает и перекодирует эпизод из Евангелия от Матфея, в котором Христос сначала говорит: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень», а затем обращается к женщине: «И я тебя не осуждаю. Иди, отныне больше не греши».

Именно в этом эпизоде кроется ценностный смысл и двух типов локуса тетралогии, и двух способов жить в мире, и двух отмеченных выше культурных ко-

дов в целом. Тюрьма, устанавливающая закон и порядок в мире героя, не позволяет прийти к Спасению и свободе, потому что над Тархановым всегда тяготеет сила карающего закона. Оказавшись в ссылке в Архангельске, на условной «свободе», герой меняет ветхозаветный тюремный закон на евангельскую любовь и сострадание, обретая, вопреки условиям, свободу внутреннюю.

Библиографический список

1. Михайлова, М. В. Запечатлённая Россия : статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова / М. В. Михайлова, А. В. Назарова. – USA : Open Science Publishing, 2018. – 208 с.
2. Чириков, Е. Н. Жизнь Тарханова: Тетралогия : в 2 т. Т. 1 / Е. Н. Чириков. – СПб. : Маматов, 2023. – 592 с.
3. Чириков, Е. Н. Жизнь Тарханова: Тетралогия : в 2 т. Т. 2 / Е. Н. Чириков. – СПб. : Маматов, 2023. – 608 с.